

Василий Брусянин

Последнее изобретение

Василий Брусянин
Последнее изобретение

«Public Domain»

1916

Брусянин В. В.

Последнее изобретение / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1916 — (Дом на костях)

ISBN 978-5-457-78219-8

«Это было в конце августа, когда долгие знойные дни сменились короткими и прохладными, в саду на деревьях пожелтела листва, трава поблёкла, и целые дни в воздухе носилась тонкая серебристая паутина. Нас всех радовали ведреные дни, и мы тайно друг от друга грустили, прощаясь с летом и поджидая холодную осень с ненастными днями. Из Москвы вернулся дядя Володя, и с момента его приезда всем нам стало как-то не по себе. Приехал он поздно ночью, когда все в дворовом трёхконном флигельке спали, а у нас в доме огонь светился только в комнате бабушки, которая плохо спала по ночам и долго молилась Богу...»

ISBN 978-5-457-78219-8

© Брусянин В. В., 1916
© Public Domain, 1916

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василий Брусянин

Последнее изобретение

I

Это было в конце августа, когда долгие знойные дни сменились короткими и прохладными, в саду на деревьях пожелтела листва, трава поблёкла, и целые дни в воздухе носилась тонкая серебристая паутина.

Нас всех радовали ведренные дни, и мы тайно друг от друга грустили, прощаясь с летом и поджидая холодную осень с ненастными днями.

Из Москвы вернулся дядя Володя, и с момента его приезда всем нам стало как-то не по себе. Приехал он поздно ночью, когда все в дворовом трёхконном флигельке спали, а у нас в доме огонь светился только в комнате бабушки, которая плохо спала по ночам и долго молилась Богу.

Дядя вернулся больным и совершенно неузнаваемым. Когда на другой день я увидел исхудавшее и побледневшее лицо дяди с ввалившимися глазами, мне невыносимо было жалеть этого, всем нам близкого человека, и я старался приласкаться к нему, но он холодно поздоровался со мною и ушёл со двора.

Когда мы сидели в столовой за завтраком, вошла тётя Соня и, не говоря ни слова, зарыдала.

– Сонечка! Что с тобой? Соня! – всплеснув руками, проговорила бабушка и бросилась к ней.

– Софья Аркадьевна! Софья Аркадьевна! Что с вами? Отчего вы плачете? – спросила и мама, беря тётю за руку.

Она рыдала и не сразу ответила:

– Всё напрасно!.. Всё напрасно... Ничего не вышло, и Володя вернулся из Москвы больным и расстроенным...

– Как? Что ты? Не может быть!..

– Да... Он напрасно растратил свои сбережения, потерял время и здоровье... Никто в Москве не признал его изобретений, и он привёз с собою все свои модели...

Мы все старались успокоить тётю, но она продолжала рыдать и всё время причитала:

– Теперь всё погребло... всё погребло, и Володя захворал... захворал.

Потом она немного успокоилась, выпила чашку кофе и ушла.

– Бедный, бедный Володечка!.. Милый мой! – проговорила бабушка и залилась слезами. – Из всех моих детей он был самым скромным и тихим, от этого ему ничего и не удаётся в жизни... Я помню, ещё мой отец говорил про него: «Он будет неудачником: такие как он, хрупкие и нежные люди гибнут под ударами судьбы как цветы от дыхания осенних ветров»...

– Полноте, мама, Владимир Иванович вовсе уже не такой неудачник, каким вы его представляете: место он занимает хорошее, в управе его любят.

– Нет, нет!.. Что бы люди ни говорили, я знаю сама, я сердцем чувствую!.. Володя как былинка в поле нуждается в попечении и уходе, – возразила на доводы мамы бабушка.

Днём я заходил во флигель, где жил дядя Володя. В маленьком зальце с кисейными гардинами у стола стояла тётя Соня и что-то кроила из серого полотна. Около неё на полу ползал годовалый Валя с соской во рту, а в углу у печки Соня и Витя рассматривали большого деревянного коня с белой гривой.

Дети принялись показывать мне свои игрушки, привезённые дядей из Москвы, радовались, смеялись и прыгали, но меня почему-то не радовал их смех, и я с внутренней болью смотрел на расстроенное побледневшее лицо тёти Сони.

После пяти часов дня, когда дядя, обыкновенно, возвращался со службы, бабушка ушла во флигель и вернулась домой только поздно вечером.

Она поспешно прошла в комнату мамы и, притворяя за собою дверь, тихо проговорила:

– Разрешил... опять разрешил!.. Господи! Господи!

Я знал, что значит это «разрешил»: после каждой крупной неудачи дядя начинал пить водку и пил, обыкновенно, неделю, а иногда и две.

II

Мой дядя служил в земской управе и получал 75 руб. в месяц. В управе его любили за хорошую работу и снисходительно смотрели на его болезнь, когда он совсем не ходил на службу и всё время сидел дома.

Вначале, насколько мне помнится, дядя пил редко, и запойные периоды повторялись раза два в год, но с течением времени, по мере увеличения его семьи и нужды, эти периоды болезни стали повторяться всё чаще и чаще.

Многие называли дядю странным человеком, но мы, близкие его, не находили в нём ничего странного. На службе его любили, с женою он жил хорошо, детей своих любил.

Но люди не могли простить дяде того, что он отличался от всех своих знакомых. Многие знакомые дяди ходили по трактирам, устраивали пикники, играли в винт, а дядя Володя ни в каких пикниках не участвовал, по трактирах не ходил даже и в периоды запоя и терпеть не мог картёжной игры. Дядя любил театр, книги, газеты и журналы.

Всё свободное время он посвящал чтению или сидел у себя в крошечной комнатке и работал.

Маленькая комнатка дяди не походила на обыкновенное жилое помещение. Все стены её были заняты полками. На полках стояли ровными рядами книги, брошюры и журналы; тут же лежали разного рода слесарные и столярные инструменты, колбочки, реторты, какие-то медные трубки и много-много разных мелких вещей. На стене висели рубанки, какие-то треугольники, цилиндры и много разных инструментов, названий которых я не знал. Небольшой столик у окна был с шестью ящиками, и эти ящики также были переполнены какими-то инструментами и приборами.

Дядя мой занимался изобретением машин, и, как потом оказалось, за это, главным образом, некоторые знакомые и звали его «странным человеком». Находились даже и такие люди, которые отзывались о дяде как о сумасшедшем, но это было неправда: дядя мой был совершенно здоровый и нормальный человек.

Несколько лет тому назад дядя изобрёл машинку для делания гильз. Своё изобретение он продал за 25 рублей какому-то купцу, приезжавшему на ярмарку в наш город, а потом прошёл слух, что купец этот выдал изобретение дяди за своё.

– Вот, Володя, я тебе говорила, чтобы ты не продавал своей машинки этому человеку, – говорила тётя Соня. – Так и надо было ожидать, что он выдаст твоё изобретение за своё.

– Полно, Соня! Это так не важно! Пусть себе на своё здоровье пользуется моими трудами. За этой машинкой я сидел не больше двух вечеров и получил 25 рублей да и материалу-то затратил на какой-нибудь полтинник.

Года два тому назад дядя продал одному помещику и второе своё изобретение. Это была центрифуга для выделения сливок из только что удоенного молока. За эту машину дядя получил двести пятьдесят рублей. Потом помещик приезжал в город, заходил к дяде и хвалил его изобретение. К Рождеству в виде подарка помещик прислал дяде сливок, масла, несколько индюшек и кур и двух поросят. Дядя до упадку хохотал, вынимая из кулька провизию, и при этом говорил:

– Видишь, Соня, какой универсальной оказалась моя машина: кроме сливок, вырабатывает ещё индюшек, кур и поросят.

Мы все смеялись над словами дяди, и нам было приятно видеть его весёлым и разговорчивым.

Вообще-то дядя Володя был молчалив, всегда серьёзен и задумчив. Как будто участвуя с нами в разговоре и смеясь, он думал о какой-то машине или решал какую-нибудь матема-

тическую задачу, так как прежде, чем приступить к работе, он, обыкновенно, делал всевозможные вычисления.

III

Так жили мы счастливо и тихо в течение нескольких лет, и ничто особенное не печалило нас.

По наблюдениям тётки Сони, дядя впадал в хандру только после каких-нибудь неудач в области его изобретений. Перед этим он, обыкновенно, упорно удалялся в свою комнатку и в продолжение нескольких дней становился совсем неузнаваемым: детей своих ласкал как будто мимоходом, с тёткой также был неласков и страшно тяготился своей службой, которая отнимала у него массу «драгоценного», как он говорил, времени.

После такого затворничества дядя появлялся среди родных и делался необыкновенно раздражительным, а потом разрешал себе рюмку водки. Первая рюмка, обыкновенно, окончательно нарушала равновесие его духа, и он впадал в запой на неделю, а иногда и на две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.